

ПРАВО НА ЛОЖЬ КАК ЛОВУШКА ДЛЯ СВОБОДЫ

А.Г. Мясников

МЯСНИКОВ Андрей Геннадьевич, доктор философских наук, профессор кафедры методологии науки, социальных теорий и технологий Пензенского государственного университета. Для связи с автором: myasnikov-g@mail.ru

Мясников А.Г. Право на ложь как ловушка для свободы. – Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 174–186. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.12>

Статья поступила в редакцию: 29.01.2017. Принята к печати: 23.04.2017

Аннотация. В статье рассматривается актуальная морально-правовая проблема права на ложь в новом мировоззренческом контексте, а именно как ловушка для человеческой свободы. Представленная авторская трактовка степеней свободы как этапов развития самостоятельности человека дает социально-этическую оценку практического феномена права на ложь. Проанализированы различные негативные аспекты применения этого феномена в современной общественной жизни и показаны существенные ограничения, с которыми вынуждены сталкиваться люди при использовании своего права на ложь. Анализ основан на теоретической модели матрицы традиционного сознания, предполагающей трехуровневую структуру общественных отношений. Она строится от первого – идеологического уровня высших (нравственно-религиозных) смыслов ко второму уровню – политико-правовых правил и установок, и затем к третьему уровню – социально-экономических и психологических практик поведения. Автор выявил негативные аспекты применения права на ложь на втором и третьем уровнях матрицы. На втором уровне, подчиненном принципу “цель оправдывает средства”, негативными следствиями будут патернализм, моральный утопизм и правовой нигилизм. На третьем уровне к общественным рискам, связанным с применением права на ложь, относятся массовая лживость, недоверие, необщительность и социальная апатия. Таким образом, право на ложь удерживает человеческую свободу на уровне социально-биологического выживания и препятствует переходу человека и общества на более высокие степени свободы-самостоятельности. Для перехода на новые степени свободы нужно, *во-первых*, установить происхождение и границы применения “права на ложь”, а именно его необходимость и эффективность только в экстремальных условиях выживания человека и социума (обычно в военных условиях). При переходе общества к мирной, благополучной жизни право на ложь превращается в опасный стереотип, в настоящую ловушку для практического разума, которая сдерживает развитие человеческой свободы. *Во-вторых*, в современных мирных условиях необходимо законодательно ограничить применение права на ложь строгими и конкретными условиями общественной безопасности и узким кругом должностных лиц. При этих условиях сохраняется возможность дальнейшего демократического развития всего общества и большей свободной самореализации граждан.

Ключевые слова: право на ложь; свобода; степени самостоятельности; Кант; ловушка для свободы; стереотип; общественные риски.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В российском обществе сложилось мнение, что право обманывать других дает человеку (например, чиновнику, политику, разведчику, дипломату, солдату и др.) большую свободу, ведь у этого человека появляется больше возможностей для

достижения своих целей, для самореализации, и эти видимости могут соблазнять, подкупать и в итоге оправдывать обман. Для современной практической философии, которая критически исследует принципы свободной деятельности, важно разоблачить это мнение и рационально обосновать недопустимость права лгать.

Попробуем ответить на вопрос: *дает ли право на ложь большую свободу человеку или, наоборот, ее ограничивает?*

Такая постановка вопроса позволяет отойти от прежней полемики, связанной с кантовской статьей “О мнимом праве лгать из человеколюбия”, начавшейся более десяти лет назад и продолжающейся в Институте философии РАН [Мясников 2006; О праве лгать 2011; О праве лгать. Продолжение дискуссии 2016]¹, чтобы подняться на другой уровень понимания, который по сути также будет соответствовать кантовскому запрету лжи [Мясников 2007].

В начале исследования необходимо определиться с ключевыми понятиями: *право на ложь, свобода и ловушка для свободы.*

Право на ложь — это возможность человека безнаказанно использовать ложь в собственных интересах или в интересах какой-либо общности, организации.

Свобода — способность человека выбирать и реализовывать свои цели в согласии с правами и интересами других лиц; определенная степень самостоятельности человека.

Ловушка для свободы — это мировоззренческий стереотип, ментальная установка, которая препятствует развитию самостоятельности человека.

Допускаю, что эти ключевые понятия могут иметь иные толкования, но для нашего исследования важны именно эти взаимосвязанные смыслы, имеющие конкретно-эмпирическое подтверждение в повседневной жизни и в мировой человеческой истории.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, мы должны соотнести между собой понятия права на ложь и свободы. В этом вопросе предполагается меньшая или большая свобода, т.е. определенная степень свободы как самостоятельности человека. Если мы допускаем, что право на ложь не повышает степени свободы, то нужно объяснить эту зависимость, во-первых, путем прояснения механизма действия самого права на ложь, а во-вторых, с помощью описания степеней свободы.

МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ ПРАВА НА ЛОЖЬ

Общий механизм действия права на ложь заключается в том, что намеренно ложное высказывание используется человеком или группой лиц для достижения своих целей. Такую юридическую возможность получают только специальные субъекты — представители силовых спецслужб и др., вместе с тем многие люди используют ложь как морально допустимое средство достижения своих целей, которое является следствием традиционного стереотипа “Не обманешь — не проживешь”.

¹ Недавнее обсуждение кантовской проблемы права на ложь заводит многих авторов в тупик. Так, например, современный немецкий кантовед Ю. Штольценберг приходит к выводу, что “...хотя и не может быть всеобщего права лгать из человеколюбия, все же существует ложь как дозволенное и даже предписанное средство, чтобы в ситуации необходимости и принуждения воспрепятствовать тяжкому преступлению и тем самым одновременно соблюсти принципы человечества” [Штольценберг 2010: 15]. Такой парадоксальный вывод по сути дискредитирует всю практическую философию и сводит ее к банальным утверждениям (каждый должен защищать свою жизнь и т.д.) или к пустым умствованиям.

Оправдание лжи необходимо человеку для снятия или частичного блокирования морально-психологической напряженности, которая естественным образом возникает при любом обмане других лиц и самого себя, и особенно при использовании лжи в адрес конкретных людей [Экман 2007: 212-235]. Эта напряженность появляется в результате конфликта между биологической потребностью мозга (разума) в достоверной информации (чтобы правильно ориентироваться в окружающем мире и выжить) и естественной склонностью человека достигать свои цели любыми средствами, в том числе с помощью лжи и других видов обмана [Знаков 1999: 7-24].

Как отмечают специалисты разных научных дисциплин (философы, психологи, лингвисты, нейрофизиологи и др.), человеческая речь — социально-биологический инструмент для передачи достоверной информации [Römpf 2004: 185-200]. Когда же этот инструмент намеренно используется для того, чтобы вводить в заблуждение других лиц, то возникает психоэмоциональная дисфункция, которая надолго сохраняется в человеческой памяти и негативно влияет на морально-психологическое и психофизиологическое состояние человека. Именно на основе объективного существования указанной дисфункции организма построена работа современных детекторов лжи.

Естественная склонность к достижению целей и к получению удовольствий может пересиливать законное требование разума быть правдивым субъектом информации и при этом пытается найти себе внутреннее и внешнее оправдание в виде права на ложь. Поэтому люди давно ищут исключения из обязанности “не лгать”, создают целые теоретические системы для оправдания своей лжи [Kant und das... 1986; Mahon 2009; Дубровский 2010].

Таким образом, право на ложь предназначено, во-первых, для того чтобы дать человеку морально-психологическое успокоение, т.е. снять внутреннюю напряженность, вызванную лживой речью, а во-вторых, защитить солгавшего человека от наказания за нарушение законов и опасные последствия лжи. Основным принципом для внутреннего и внешнего оправдания лжи будет традиционная установка выживания в экстремальных условиях. Но этот принцип имеет не всеобщее, а избирательное применение и обычно рассматривается как вынужденное средство самосохранения человека, группы или общности, ведь он противоречит фундаментальному нравственному и религиозному запрету “не лги” [Timmermann 2001].

Итак, вернемся к поставленному вопросу о том, дает ли право на ложь человеку большую свободу. Для этого мы должны принять следующий важный момент: с точки зрения разума человека *право на ложь* — искусственный и избирательный способ оправдания нарушений в деятельности нашего мышления и речи. *Право на ложь* дает возможность лишь некоторым лицам уйти от ответственности за нарушение базовой нравственной и религиозной нормы “не лги”. Каждый лжец хотел бы прикрыться этим *правом*, но тогда само общество распалось бы без системы взаимных ответственных отношений. Обратим внимание на то, что *право на ложь* позволяет человеку “уйти от ответственности”, и обычно объясняется это необходимостью выживания человека, группы в конкурентной борьбе или экстремальных условиях, например, интересы государственной безопасности требуют от разведчиков

или политиков умения лгать. Но такое оправдание не может быть постоянным и всеобщим, так как оно препятствует морально-правовому и социокультурному совершенствованию общества, которое зависит от возможностей свободной самореализации каждого человека [Höffe 2015].

Теперь мы выходим ко второму аспекту нашего вопроса – к описанию степеней свободы.

О СТЕПЕНЯХ СВОБОДЫ–САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Для нашего исследования целесообразно рассмотреть возрастание степени человеческой свободы через призму степеней (уровней) самостоятельности, так как сближение свободы и самостоятельности человека позволяет акцентировать внимание на конкретно-содержательной стороне понятия свободы. Если этого не делать, то свобода может легко превратиться в слишком широкое и беспредметное понятие. Поэтому сближение свободы с самостоятельностью позволяет зафиксировать именно реальные (деятельные) возможности человека, которые дают ему определенную степень самостоятельности.

Попробуем выявить степени человеческой самостоятельности по мере их возрастания. За основу возьмем психофизиологический критерий взросления человека, социально-правовой и экономический, а также критерий личностного развития. Совокупность этих рациональных критериев позволит нам составить шкалу степеней человеческой свободы-самостоятельности, с помощью которой можно будет оценить феномен *права на ложь* и установить соответствующую ему степень человеческой свободы.

Намеченное определение степеней самостоятельности человека будет не произвольным и субъективным градуированием, а вполне объективным и научным разделением процесса развития человеческой личности. В этом определении мы будем опираться на известные психолого-педагогические концепции А. Маслоу, Р. Бернса, Д. Зинглера, К. Леонагра, Ж. Пиаже, Р. Немова, Л. Рубинштейна и др., на социально-философские и этические теории Дж. Локка, И. Канта, Дж. Ролза, Г. Йонаса, Ю. Хабермаса, О. Хеффе, А. Гусейнова, Р. Апресяна, Э. Соловьева, а также на политико-правовые и социально-экономические теории Ф. Хайека, М. Сэндела, Н. Тихоновой, С. Кирдиной и др. Современные обществоведы часто говорят о росте степеней свободы в современных демократических обществах. Интуитивно люди понимают, о чем идет речь, но для практической философии важно дать четкое рациональное описание этого процесса, структурировать его и показать последовательность самих “ступеней свободы”.

Для конкретизации понятия *свобода* мы будем использовать понятие *самостоятельность*, которое акцентирует деятельное содержание человеческой свободы. **Самостоятельность** – это способность человека ставить перед собой цели и достигать их собственными силами. Эта способность развивается в человеке постепенно в ходе его психофизиологического взросления, а затем и социального “совершеннолетия”. Попробуем дать описание основных этапов взросления человека, которые одновременно будут этапами становления самостоятельности, или степенями человеческой свободы.

Самостоятельность человека более четко характеризует современное (новоевропейское) понимание свободы как самовластия человека, как оно было сформулировано в философии И. Канта [Круглов 2014: 20-35].

Самостоятельность требует от человека постоянных интеллектуальных и волевых усилий, иначе ее можно легко потерять, попасть в самые разные зависимости, начиная с физических ограничений и заканчивая интеллектуальными “ловушками”, делающими человека несвободным существом. Необходимость постоянных усилий и решений налагает на человека тяжелое бремя свободы, которое предстает в виде юридической и моральной ответственности. Многие люди хотят снять ее с себя, т.е. стать “несовершеннолетними” (в кантовском смысле слова), зависимыми от других людей и обстоятельств.

Увеличение степеней свободы всегда связано с ростом ответственности человека: чем больше ответственности, тем больше свободы. Практическая философия (прежде всего, философия морали и права) обращает внимание на то, что свобода — это всегда ответственный выбор, поскольку любой взрослый человек свободен выбирать ту или иную степень самостоятельности. Как отмечал Ж.-П. Сартр, даже раб сам выбирает рабскую жизнь, а не борьбу за большую степень свободы [Сартр 2000: 557-560].

Итак, рассмотрение различных степеней человеческой свободы — это и есть описание различных этапов развития человеческой самостоятельности. Мы можем выделить следующие уровни:

Физическая самостоятельность достигается здоровым ребенком к трем годам, когда он начинает ходить, принимать пищу, говорить и элементарно заботиться о себе, а также противопоставлять свое Я окружающему миру [Обухова 2004].

Психоэмоциональная самостоятельность обычно достигается к семи годам и связана с осознанием собственного Я, своих желаний и внешних требований, правил и норм.

Интеллектуально-волевая самостоятельность, по мнению многих психологов и педагогов, приходится на подростковый период и формируется к 14 годам, проявляясь в “репрезентативном интеллекте” (по Пиаже), ответственном поведении (наступлении юридической ответственности) и личном жизненном целеполагании. На этом этапе складываются базовые мировоззренческие понятия и практические принципы поведения.

Правовая самостоятельность выражается в наступлении юридического совершеннолетия, которое предполагает формальную независимость от родителей-опекунов как возможность свободного личностного самоопределения (в России с 18 лет). Главным показателем правовой самостоятельности будет полная личная ответственность человека за свои действия.

Экономическая самостоятельность обычно достигается после получения профессионального образования и последующего трудоустройства, и является важнейшим этапом взросления, когда человек начинает себя материально обеспечивать.

Социальная самостоятельность проявляется в создании собственной семьи, воспитании детей, в воспроизводстве социальных связей и отношений.

Политическая самостоятельность выражается в продуманных политических представлениях человека о будущем — собственном, своих близких и всего общества, и целенаправленных действиях по реализации этих представлений.

Нравственно-религиозная самостоятельность обычно достигается в зрелом возрасте, когда у человека складывается собственная система нравственных ценностей и религиозных убеждений. Такого рода самостоятельность проявляется прежде всего в моральной автономии личности.

Творческая самостоятельность проявляет себя в свободном деятельном самовыражении и созидании различных материальных и нематериальных благ, ценностей по своему интересу, по своей воле.

Гениальность является высшей ступенью человеческой самостоятельности, в которой творческая активность человека достигает общечеловеческого, мирового признания, нацелена на будущие поколения, и, возможно, устремлена в вечность.

Постепенный рост степеней свободы-самостоятельности расширяет деятельные, жизненные возможности человека, т.е. его внешнюю свободу, и тем самым увеличивает власть человека над самим собой и окружающим миром. При этом нужно учитывать, что внешняя свобода человека неразрывно связана с внутренней, и их развитие взаимообусловлено². Внутренняя свобода нуждается во внешнем выражении, так же как и внешняя свобода нуждается во внутреннем осмысленном содержании, в разумном целеполагании и выборе средств.

ПРАВО НА ЛОЖЬ В СИСТЕМЕ СТЕПЕНЕЙ СВОБОДЫ

Право на ложь мы можем определить как моральную и правовую возможность человека использовать ложь для реализации собственных целей. На первый взгляд этот морально-правовой феномен может быть отнесен к *восьмой степени свободы* — к нравственно-религиозной самостоятельности человека, так как человек должен самостоятельно принять решение о том, считать ли ложь морально приемлемым и юридически ненаказуемым средством достижения своих целей. Это решение должно свидетельствовать о моральной автономии лица (персональной ответственности), но так как, используя свое “право на ложь”, человек в то же время пытается уйти от ответственности за возможные негативные последствия, то никакой моральной автономии здесь нет. Ведь, говоря универсалистским языком морали, здравомыслящий человек не захочет допускать всеобщего права лгать, чтобы самому не оказаться объектом тотальной лжи [Klemme 2007]. Кроме того, специальное “право на ложь” обычно устанавливается государственными институтами, и, по сути, предписывается конкретному человеку в качестве должностного полномочия (дипломата, разведчика и др.), которое ему лично может и не нравиться, но он вынужден ему подчиняться. Таким образом, *право на ложь* не будет выражать моральную автономию лица и не будет соответствовать восьмой степени свободы-самостоятельности.

Значит, мы должны “сойти” *на седьмой уровень* — к политической самостоятельности. Будет ли право на ложь выражать политическую самостоятельность лица? Нет, не будет, ведь, во-первых, оно ориентировано на частные интересы определенных лиц, а общество в целом не заинтересовано в распространении ложной информации, тем более что политические проекты-решения, нацеленные на будущее, не должны быть лживыми. Во-вторых, само право на ложь ставит под сомнение политические убеждения человека, ведь ему нельзя верить, если он может пользоваться таким “правом” и вводить в заблуждение других людей. Значит, *право на ложь* не выводит человека на седьмую степень свободы-самостоятельности.

Из этого следует, что мы должны “спуститься” *на шестую ступень*, которая предполагает социальную самостоятельность человека, его самоопределение

² См.: Егоров С.Н. *Аксиоматические основы теории права*. СПб. 2001. Доступ: <http://www.statut.spb.ru/axiom/p3.html> (проверено 23.04.2017).

в социуме и прежде всего создание собственной семьи. Пожалуй, на этом уровне право на ложь может найти себе некоторое пристанище, так как именно ради других, ради своей семьи, своих любимых, ради Отечества, Родины люди часто идут на обман, оправдывая себя этими целями и смыслами. Но это уже будет лишь моральное оправдание лжи, так как у обычных граждан нет юридического права на ложь [Мясников 2006: 222-229].

Итак, *право на ложь*, понимаемое как моральное самооправдание, может дать человеку лишь шестая степень самостоятельности, которая также будет неустойчивой из-за негативных последствий лжи. Мы можем сделать вывод, что любая ложь препятствует дальнейшему развитию человеческой свободы, так как не позволяет выйти за рамки социально-бытового уровня самостоятельности и не дает человеку возможности стать подлинным политическим субъектом, свободным гражданином: имеющий право лгать будет лишь чьим-то подданным, членом корпорации, членом семейного клана, мафии и не может иметь собственной последовательной политической позиции, не говоря уже об автономной морали. Эта жесткая социальная зависимость от своей семьи, рода, клана, корпорации не позволяет человеку выйти на более высокую степень свободы-самостоятельности, а право на ложь принуждает отказаться от дальнейшего роста самостоятельности, потому что подчиняет человека внешним условиям жизни, уступая силе обстоятельств.

В традиционном, феодальном социуме такое смирение человека с силой обстоятельств вполне привычно и даже необходимо для самосохранения человека и его сообщества. При этом *право на ложь* будет одним из способов поддержания традиционного социального порядка, а *имеющий право лгать как бы приносит себя в жертву ради некоего "общего блага", своей общности, своего рода-народа*. Ведь именно так обычно оправдывают свою ложь различные должностные лица. Такое самопожертвование оказывается внутренне противоречивым решением, а потому оно порождает внутреннюю неудовлетворенность, сильное морально-психологическое напряжение, которое приходится снимать психотропными средствами (внушением, нейролингвистическим программированием и др.) или регулярной анестезией (алкоголем или наркотиками). Последствия такого рода разрядок обычно негативно сказываются на жизни и здоровье конкретного человека и всего общества.

ОПАСНОСТИ И РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРАВА НА ЛОЖЬ

Речь пойдет о реальных опасностях, т.е. негативных явлениях нашей жизни, вызванных применением права на ложь. Рассмотрение возможных рисков будет построено в соответствии с общей структурой традиционного сознания, которое характерно для обществ с доминирующим правом на ложь. Эта общая структура задает иерархическое соотношение ценностно-смысловых (идеологических) установок, политико-правовых понятий и социально-экономических представлений [Мясников 2013: 46-48].

В этой структуре идеология занимает верховное положение и формирует систему высших ценностей и смыслов, определяющих и политику, и социально-экономические отношения. К числу главных смыслов традиционного сознания можно отнести фатализм, утверждающий, что "все предопределено свыше". Именно эта идея порождает морально-правовой феномен права на ложь. Идея высшей предопределенности жизни может оправдать нарушение общего разум-

ного требования “не лги” тем, что от нас ничего не зависит и человеку нужно подстраиваться под сложившийся порядок вещей. Такая фаталистическая установка может быть некоторым утешением для обманщиков, но недостаточным, чтобы заглушить разумное стремление к правдивости [О праве лгать 2011: 158-179].

Негативные последствия права на ложь проявляются прежде всего на втором уровне матрицы традиционного сознания — *политико-правовом*. Право на ложь позволяет авторитарным правителям удерживать своих подданных в неведении или создавать иллюзорное мировосприятие, например, мифологизировать прошлое, чтобы прикрывать и оправдывать ошибки и преступления.

Платон пишет в третьей книге “Государства”: “Уж кому-кому, а правителям государства надлежит применять ложь как против неприятеля, так и ради своих граждан, ради пользы своего государства, но всем остальным к ней прибегать нельзя. Если частное лицо станет лгать собственным правителям, мы будем считать это таким же — и даже худшим — проступком, чем ложь больного врачу...” [Платон 1994а: 152-153]. Из слов древнегреческого философа следует, что обманывать по праву могут правители, обладающие разумной душой, а также благоразумные граждане, намеренные удержать других (неблагоразумных) от губительных действий. Но кто будет определять “полезность” лжи в каждом конкретном случае и уровень “знаний” человека, берущего на себя ответственность применить ее именно с пользой, “в качестве лечебного средства”? “Полезная ложь” со стороны правителей получает оправдание и в платоновском трактате “Законы”, где философ говорит о воспитании молодых людей с помощью ложных поэтических и мифологических представлений, предназначенных “заставить добровольно, а не по принуждению поступать во всем справедливо” [Платон 1994б: 113].

При этом возникают вопросы: не будут ли молодые люди намеренно вводиться в заблуждение опытными наставниками? Не будет ли у них формироваться ложное сознание? Платон отвечает словами Клиния: “Истина прекрасна, чужеземец, и пребывает незыблемой, но убедиться в ней, видимо, нелегко”. И далее продолжает: “Законодатель должен найти все возможные средства, чтобы узнать, каким образом можно заставить всех живущих совместно людей постоянно, всю свою жизнь выражать как можно более одинаковые взгляды относительно этих предметов, как в песнях, так и в сказаниях и рассуждениях” [там же]. По мнению Платона, укротить пылкость и горячность молодости можно с помощью прекрасных иллюзий, тех самых призраков, которые обычно возмущают философов. При этом философы-законодатели *знают*, что многие песни и мифы ложны, но используют их ради будущего блага государства, надеясь, что заблуждения молодости вскоре рассеются.

С Платоном согласны многие античные мыслители. Например, Цицерон считал общую пользу для государства существенным условием допустимости лжи, хотя и призывал своих современников оставаться “честными людьми” [Звиревич 1988].

Мировой исторический опыт показывает, что надежда древнегреческих философов на “ложь во благо” оказывается все более призрачной и все более опасной для современных демократических обществ. Ведь *право лгать* легко оправдывает *патернализм* и даже *деспотизм* в управлении обществом, благодаря которым население удерживается в состоянии “несовершеннолетних” подданных, постоянно нуждающихся в “опекунах” и наставниках [Мясников 2006: 250-260].

Кроме того, право на ложь можно рассмотреть как необходимое следствие традиционного практического принципа “Цель оправдывает средства”. Появившийся для выживания людей в экстремальных условиях, он получает гипертрофированное значение в более позднем морально-правовом применении, порождая два взаимосвязанных социально-политических феномена — “моральный утопизм” и “правовой нигилизм”. Взаимосвязь этих феноменов сначала может показаться странной, но при продумывании она становится вполне очевидной. На эту взаимосвязь обратил внимание российский философ Эрих Юрьевич Соловьев в статье “Дефицит правопонимания в русской моральной философии”. Он отмечал, что для русской философии и в целом для русского культурного типа характерна архаичная нерасчлененность морального и правового сознания при явной абсолютизации морали [Соловьев 1991: 233–234].

Продолжая развивать идеи Э.Ю. Соловьева, мы можем отметить, что в результате абсолютизации нравственного долженствования возникает “моральный утопизм”, рассматривающий человека *только как цель и никогда как средство*⁴. Такая трактовка морального закона утопична, так как игнорирует реальную жизнь людей, их зависимость от множества условий, обстоятельств, при которых человек становится *средством*: и в своем труде, и в политико-правовых отношениях, и в семье, и во многих других отношениях. Люди не могут не использовать друг друга, так как нуждаются в знаниях, силах, умениях других людей, а потому эта взаимная полезность побуждает “пригоститься друг другу”, т.е. действовать технически, экономически эффективно и в целом прагматично.

Если рассматривать человека только как абстрактную цель или мистический идеал, относящийся к некоему неопределенному будущему (например, Царству Божьему на земле или коммунизму), то согласно принципу “цель оправдывает средства” можно использовать любые средства для ее достижения [Гусейнов 2012: 225–230]. А это значит, что насилие, обман (и в том числе право на ложь) становятся вполне приемлемыми средствами на пути к этой мистической цели. При этом ложь будет считаться одним из способов как бы морального служения этой абстрактной цели. Так получает оправдание и *terror* как быстрый и беспощадный способ установления якобы справедливого морального возмездия. Такое неразборчивое отношение к средствам достижения некоей высшей цели (а особенно если она имеет сакрально-религиозный

⁴ Одним из теоретических источников такого морального утопизма в России является нравственно-религиозное учение В.С. Соловьева. Владимир Соловьев пишет в Приложении к “Оправданию добра”: “...человек и вообще всякое разумное существо существует как цель само по себе, а не как средство только для произвольного употребления той или другой воли” [Соловьев 1988: 567]. Смысл этой характеристики становится явно максималистичным из-за перемены места одного слова “только”. Если следовать определению Соловьева, то получается, что человек — это только цель сама по себе, и относиться к нему нужно только как к самоцели. Если к нему относиться по-другому, то это будет неморальным, неподлинным исполнением морального долга. Этот моральный утопизм повлиял на многих отечественных мыслителей начала XX в. Например, на философско-правовые взгляды П.И. Новгородцева, который абсолютизирует обязательность моральных предписаний (как бы “свободный универсализм”), а в итоге превращает мораль в систему одинаковых для всех норм, осуществимую только в идеальном мире [Новгородцев 1991: 579]. Не менее показателен утопизм российского экономиста-социалиста М.И. Туган-Барановского. Считая себя последователем Канта, но при этом опираясь на вышеприведенную утопическую трактовку нравственного закона, он пытается обосновать теорию социализма. Он пишет: “Каков бы ни был человек, мы должны относиться к нему не как к средству, а как к цели” [Туган-Барановский 1996: 265]. Вывод экономиста: социализм должен быть таким общественным строем, при котором на первый план выходят интересы личности. И в то же время Туган-Барановский отрицает ключевое понятие практической философии Канта — понятие частной собственности, которое является квинтэссенцией частных интересов личности.

смысл) порождает **правовой нигилизм**, принципиальное недоверие к праву как механизму регуляции и совершенствования общественных отношений [Нерсесянц 1996: 72-90; König 1994: 250-275].

Итак, абстрактное целеполагание, подчиненное принципу “цель оправдывает средства”, порождает непреодолимый разрыв между долженствованием и практикой жизни, который, в свою очередь, приводит к морально-психологической неудовлетворенности, психофизиологическим расстройствам (различным патологиям, в том числе и к фанатизму) и т.д. Здесь мы переходим на третий уровень традиционного сознания — социально-экономический, на котором проявляются экономические, психологические, коммуникативные последствия применения права на ложь.

На третьем — *социально-экономическом уровне* — право на ложь проявляется в недоверии друг другу субъектов экономической деятельности и в минимизации договорных отношений, замене их административно-повелительными (властными) отношениями. Эта минимизация договорных отношений ведет к потере личной экономической заинтересованности в труде (отсюда лень, тунеядство, безделье — потому что все равно обманут) и закреплению иждивенческих настроений, лояльных к патернализму [Тихонова 2013: 20-25]. Отсюда низкая производительность труда в обществе, экономическая отсталость, и в качестве идеологической компенсации обычно появляются мессианские идеи об особой роли “нашего общества” в мировой истории, например, идея Третьего Рима или коммунизма [Гусейнов 2012: 502-539].

Эти социально-экономические последствия права на ложь неразрывно связаны с такими социально-психологическими явлениями, как *массовая лживость, недобросовестность* (часто вызванная незаинтересованностью в результатах своей деятельности), *недоверие к другим людям и необщительность* (обусловленная разными опасениями и страхами возможных обманов) [Нравственность современного российского общества... 2012]. При этом негативные морально-психологические качества обычно пытаются нейтрализовать послушностью и пассивной исполнительностью большинства членов общества, благодаря которым поддерживается относительная стабильность социальной системы. Но такая стабильность достигается ценой жестких ограничений свободного самовыражения, творческой активности людей, т.е. с помощью подавления их самостоятельности-свободы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПРАВО НА ЛОЖЬ И “СПАСЕНИЕ СВОБОДЫ”

Под “спасением свободы” мы будем понимать создание условий для увеличения степеней человеческой свободы. Признание и принятие права на ложь будет удерживать конкретного человека и все общество на шестой степени свободы-самостоятельности и препятствовать дальнейшему развитию.

Для перехода на более высокие степени свободы нужно, *во-первых*, установить происхождение и границы применения морально-правового феномена *права на ложь*, а именно его необходимость и эффективность только в экстремальных условиях выживания человека и социума (обычно в военных условиях). При переходе общества к мирной, благополучной жизни право на ложь превращается в опасный стереотип, в настоящую ловушку для практического разума, которая сдерживает развитие человеческой свободы. *Во-вторых*, в современных мирных условиях необходимо существенно ограничить применение

права на ложь строгими и конкретными условиями общественной безопасности и узким кругом должностных лиц, которым будет позволительна ложь. Только при этих условиях сохраняется возможность дальнейшего демократического развития всего общества и дальнейшей свободной самореализации граждан.

Гусейнов А.А. 2012. *Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью*. СПб.: СПбГУП. 848 с.

Дубровский Д.И. 2010. *Обман. Философско-психологический анализ*. М.: Канон+; РООИ “Реабилитация”. 336 с.

Звиревич В.Т. 1998. *Цицерон: философ и историк философии*. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 205 с.

Знаков В.В. 1999. *Психология понимания правды*. СПб.: Алетейя. 222 с.

Круглов А.Н. 2014. Несовершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления. Часть I. – *Кантовский сборник*. № 3 (49). Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта. С. 19-39.

Мясников А.Г. 2006. *Право на ложь: от Канта до современности*. М.: РФО, Пенза: Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та. 272 с.

Мясников А.Г. 2007. Проблема права на ложь (прав ли был Кант?). – *Вопросы философии*. № 6. С. 130-141.

Мясников А.Г. 2013. Современные трансформации традиционного сознания в России: распад или обновление? – *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*. № 3. С. 44-56.

Нерсесянц В.С. 1996. *Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы*. М.: Юрист. 160 с.

Новгородцев П.И. 1991. *Об общественном идеале*. М.: Пресса. 639 с.

Нравственность современного российского общества: психологический анализ. 2012. Под ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревича. М.: Издательство “Институт психологии РАН”. 413 с.

О праве лгать. 2011. Под ред. Р.Г. Апресяна. М.: РОССПЭН. 392 с.

О праве лгать. Продолжение дискуссии. 2016. – *Этическая мысль*. Т. 16. № 1. С. 77-143.

Обухова Л.Ф. 2004. *Возрастная психология*. М.: Педагогическое общество России. 442 с.

Платон. 1994а. Государство. – *Собрание сочинений в 4 т.* Т. 3. М.: Мысль. С. 79-420.

Платон. 1994б. Законы. – *Собрание сочинений в 4 т.* Т. 4. М.: Мысль. С. 71-437.

Сартр Ж.-П. 2000. *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии*. М.: Республика. 639 с.

Соловьев В.С. 1988. Приложение. Формальный принцип нравственности (Кант) – изложение и оценка с критическими замечаниями об эмпирической этике. – *Сочинения в 2-х т.* Т. 1. М.: Мысль. 892 с.

Соловьев Э.Ю. 1991. Дефицит правопонимания в русской моральной философии. – *Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры)*. М.: Политиздат. С. 230-234.

Тихонова Н.Е. 2013. Динамика ценностно-нормативных систем россиян и перспективы модернизационного проекта. – *Вестник Института социологии*. № 3. С. 10-27. Доступ: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2011_32/Tihonova.pdf (проверено 31.05.2017).

Туган-Барановский М.И. 1996. *К лучшему будущему*. М.: РОССПЭН. 528 с.

Штольценберг Ю. 2010. Кант и право на ложь. – *Кантовский сборник*. № 2. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта. С. 7-16.

Экман П. 2007. *Психология лжи*. СПб: Питер. 272 с.

Höffe O. 2015. *Kritik der Freiheit: Das Grundproblem der Moderne*. München: C.H. Beck Verlag. 384 S.

Kant und das Recht der Lüge. 1986. Geismann G., Oberer H. (Hg). Würzburg: Königshausen u. Neumann. 119 S.

Klemme H. 2007. Kant und die Paradoxien der Kritischen Philosophie. – *Kant-Studien* 98. S. 40-56. DOI: <https://doi.org/10.1515/KANT.2007.002>

König S. 1994. *Zur Begründung der der Menschenrechte: Hobbes – Locke – Kant*. Freiburg i. Br.; München: K. Alber, cop. 362 S.

Mahon J.E. 2009. The Truth about Kant on Lies. – *The Philosophy of Deception*. N.Y.: Oxford University Press. P. 201-224. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195327939.003.0012>

Römpp G. 2004. Die Sprache der Freiheit. Kants moralphilosophische Sprachauffassung. – *Kant-Studien*. 95. Heft 2. S. 182-203.

Timmermann J. 2001. Sollen und Können. „Du kannst, denn du sollst“ und „Sollen impliziert Können“ im Vergleich. – *Philosophiegeschichte und logische Analyse. Geschichte der Ethik*. № 6. S. 113-122.

DOI: [10.17976/jpps/2017.05.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.12)

THE RIGHT TO LIE AS A TRAP FOR FREEDOM

A.G. Myasnikov¹

¹*Penza State University. Penza, Russia*

MYASNIKOV Andrej Gennadjevich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Department for Methodologies of Science, Social Theories and Technologies, Penza State University, Penza. Email: myasnikov-g@mail.ru

Myasnikov A.G. The Right to Lie as a Trap for Freedom. – *Polis. Political Studies*. 2017. No. 5. P. 174-186. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.12>

Received: 29.01.2017. Accepted: 23.04.2017

Abstract. The article deals with the urgent moral and legal problem of the right for a lie in a new world outlook context namely as a trap for human freedom. The presented author's interpretation of degrees of freedom as stages of development of independence of the person gives a social and ethical assessment of a practical phenomenon of the right for a lie. The author analyses various negative aspects of application of this phenomenon in modern public life and shows essential restrictions which people face with when they use the right for a lie. This analysis is based on theoretical model of the matrix of traditional consciousness assuming three-level structure of the public relations. It is under construction from the first – the ideological level of the highest (moral and religious) meanings, to the second level – political and legal rules and installations, and then to the third level – social and economic and psychological practices of behavior. The author revealed negative aspects of use of the right for a lie at the second and third levels of a matrix. At the second level subordinated to the principle “the end justifies the means” negative consequences will be: paternalism, moral utopianism and legal nihilism. At the third level – mass falsity, mistrust, unsociability and social apathy will belong to the public risks connected with use of the right for a lie. Thus, the right for a lie keeps human freedom at the level of social and biological survival and interferes with transition of the person and society to higher degrees of freedom independence. For transition to new degrees of freedom it is necessary to establish, first, an origin and borders of use of the right for a lie, namely its need and efficiency only in extreme conditions of survival of the person and society (usually, in military conditions). Upon transition of society to peaceful, safe life “the right for a lie” turns into a dangerous stereotype, into the real trap for practical mind which constrains development of human freedom. Secondly, in modern peace conditions it is necessary to limit by law use of the right for a lie by strict and specific conditions of public safety and a narrow circle of public officials. Under these conditions the possibility of further democratic development of all society, and bigger free self-realization of citizens remains.

Keywords: right for a lie; freedom; degrees of independence; Kant; trap for freedom; stereotype; public risks.

References

- Dubrovskii D.I. Obman. *Filosofsko-psihologicheskii analiz* [Deception. Philosophical-Psychological Analysis]. Moscow: Kanon + ROOI Reabilitaciya. 2010. 336 p. (In Russ.)
- Ekman P. *Psihologiya lji* [The Psychology of Lies]. Saint Petersburg: Piter. 2000. 272 p. (In Russ.)
- Guseinov A.A. *Filosofiya – misl i postupok: stati, dokladi, lekcii, intervyu* [Philosophy – a Thought and an Act: Articles, Reports, Lectures, Interview]. Saint Petersburg: SPbGUP. 2012. 848 p. (In Russ.)
- Höffe O. *Kritik der Freiheit: Das Grundproblem der Moderne*. München: C.H. Beck Verlag. 2015. 384 S. *Kant und das Recht der Lüge*. Geismann G., Oberer H. (Hg). Würzburg: Königshausen u. Neumann. 1986. 119 S.
- Klemme H. Kant und die Paradoxien der Kritischen Philosophie. – *Kant-Studien* 98. 2007. S. 40–56. DOI: <https://doi.org/10.1515/KANT.2007.002>
- König S. *Zur Begründung der der Menschenrechte: Hobbes – Locke – Kant*. Freiburg i. Br.; München: K. Alber, cop. 1994. 362 S.
- Kruglov A.N. Immutability and the Objective of a True Reform in Ways of Thinking. Part I. – *Kantovskiy sbornik*. 2014. No. 3 (49). P. 19–39. DOI: <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2014-3-2> (In Russ.)
- Mahon J.E. The Truth about Kant on Lies. – *The Philosophy of Deception*. N.Y.: Oxford University Press. 2009. P. 201–224. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195327939.003.0012>
- Myasnikov A.G. Modern Transformations of Traditional Consciousness in Russia: Disintegration or Renewal? – *Izvestiya visshih uchebnykh zavedenii. Povoljskii region*. 2013. No. 3. P. 44–56. (In Russ.)
- Myasnikov A.G. Pravo na loj: ot Kanta do sovremennosti [The Right to Lie: Kant to the Present]. Moscow: RFO, Penza: Izd-vo Penzenskogo gos. ped. Un-ta. 2006. 272 p. (In Russ.)
- Myasnikov A.G. The Problem of the Right to Lie (Was Kant Right?). – *Voprosi filosofii*. 2007. No. 6. P. 130–141. (In Russ.)
- Nersesyanc V.S. *Pravo – matematika svobodi. Opit proshlogo i perspektivi* [The Right – Mathematics of Freedom. Experience of the Past and Prospect]. Moscow: Yurist. 1996. 160 p. (In Russ.)
- Novgorodcev P.I. *Ob obschestvennom ideale* [About a Public Ideal]. Moscow: Pressa. 1991. 639 p. (In Russ.)
- Nravstvennost sovremennogo rossiiskogo obschestva: psihologicheskii analiz* [The Morality of Modern Russian Society: a Psychological Analysis]. Pod red. A.L. Juravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Institut psihologii RAN. 2012. 413 p. (In Russ.)
- O prave lgat*. Pod red. R.G. Apresyana [On the Right to Lie. Ed. by R.G. Apresyan]. Moscow: ROSSPEN. 2011. 392 p. (In Russ.)
- O prave lgat. Prodloljenie diskussii [The Right to Lie. Further Discussion]. – *Eticheskaya misl*. 2016. Vol. 16. No. 1. P. 77–143. (In Russ.)
- Obuhova L.F. *Vozrastnaya psihologiya* [Developmental Psychology]. Moscow: Pedagogicheskoe obschestvo Rossii. 2004. 442 p. (In Russ.)
- Plato. Gosudarstvo [The State]. – Platon. *Sobranie sochinenii v 4 t.* T. 3. [Collected Works in 4 Volumes. Vol. 3]. Moscow: Mysl'. 1994. P. 79–420. (In Russ.)
- Plato. Zakoni [Laws]. – Platon. *Sobranie sochinenii v 4 t.* T. 4. [Collected Works in 4 Volumes. Vol. 4]. Moscow: Mysl'. 1994. P. 71–437. (In Russ.)
- Römpp G. Die Sprache der Freiheit. Kants moralphilosophische Sprachauffassung. – *Kant-Studien* 95. Heft 2. 2004. S. 182–203.
- Sartre J.-P. L'Être et le néant : Essai d'ontologie phénoménologique. (Russ. ed.: Sartre J.-P. *Bitie i nichito: Opit fenomenologicheskoi ontologii*. Moscow: Respublika. 2000. 639 p.)
- Shtolcenberg Yu. Kant and Right for a Lie]. – *Kantovskiy sbornik*. 2010. No. 2. P. 7–16. (In Russ.)
- Solovyov E.Yu. Deficit pravoponimaniya v russkoi moralnoi filosofii. – *Proshloe tolkuet nas: (Ocherki po istorii filosofii i kulturi)* [Past Interprets Us: (Essays on the History of Philosophy and Culture)]. Moscow: Politizdat. 1991. P. 230–234. (In Russ.)
- Solovyov V.S. Prilozhenie. Formalnii princip нравственности (Kant) – izlozhenie i ochenka s kriticheskimi zamechaniyami ob empiricheskoi etike [Appendix. The Formal Principle of Morality (Kant) – a Statement and an Assessment with Critical Remarks about Empirical Ethics]. – Solovev V.S. *Sochineniya v 2-h t.* T.1. [Collected Works in 2 Volumes. Vol. 1]. Moscow: Mysl'. 1988. 892 p. (In Russ.)
- Tihonova N.E. Dynamics of Value-Normative Systems of Russians and Prospects of the Modernization Project. – *Vestnik instituta sotziologii*. 2013. No. 3. C. 10–27. (In Russ.) URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2011_32/Tihonova.pdf (accessed 31.05.2017).
- Timmermann J. Sollen und Können. „Du kannst, denn du sollst“ und „Sollen impliziert Können“ im Vergleich. – *Philosophiegeschichte und logische Analyse. Geschichte der Ethik*. 2001. No. 6. S. 113–122.
- Tugan-Baranovskii M.I. *K luchshemu buduschemu. Sbornik socialno-filosofskikh proizvedenii* [To the Better Future. Collection of Social Philosophical Works]. Moscow: ROSSPEN. 1996. 528 p. (In Russ.)
- Znakov V.V. *Psihologiya ponimaniya pravdi* [Psychology Understanding of the Truth]. Saint Petersburg: Aleteiya. 1999. 222 p. (In Russ.)
- Zvirevich V.T. *Ciceron: filosof i istorik filosofii* [Cicero: a Philosopher and a Historian of Philosophy]. Sverdlovsk: Izd-vo Uralskogo Universiteta. 1998. 205 p. (In Russ.)